

14. Сорокин В. Сельскохозяйственные опытные станции и их значение для земледельческой практики // Северный вестник. 1892. № 6.
15. РГИА. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 1.
16. Статистический временник Российской Империи. СПб., 1903. Сер. 3. Вып. 10.
17. Янсон Ю. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. СПб., 1881.
18. Воскресенский А.Е. Общинное землевладение и крестьянское малоземелье. СПб., 1903.
19. В.В. Очерки крестьянского хозяйства. СПб., 1911.
20. Вронский О.Г. Государственная власть России и крестьянская община. Рубеж XIX–XX вв. – 1917 г. (по материалам губерний земледельческого центра страны). М., 2001.
21. Литвак Б.Г. Русская деревня в реформе 1861 года. Черноземный центр 1861–1895 гг. М., 1972.
22. Ермолов А.С. Наш земельный вопрос. СПб., 1906.
23. Черменский П.Н. От крепостного права к Октябрю в Тамбовской губернии. М., 1978.
24. Лохтин П. Состояние сельского хозяйства в России сравнительно с другими странами. СПб., 1901.
25. Сводный сборник по 12 уездам Воронежской губернии. Воронеж, 1897.
26. Трайнин А.А. Преступность города и деревни в России // Русская мысль. 1909. № 7.
27. Хок С.А. Мальтус: рост населения и уровень жизни в России, 1861–1914 гг. // Отечественная история. 1996. № 2.
28. Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. 6. Оп. 1. Д. 326.
29. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX века). СПб., 2000. Т.1.
30. ГАВО. Ф. 26. Оп. 30. Д. 68.
31. Омельченко А. В Сибирь за землей и счастьем // Мир Божий. 1900. № 8.
32. РГИА. Ф. 1212. Оп. 16. Д. 2.
33. Чуркин М.К. Переселенцы и старожилы Западной Сибири: природно-географические, социально-психологические, этнопсихологические аспекты взаимоотношений (в конце XIX – начале XX вв.). Омск, 2001.
34. РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 263.
35. ГАВО. Ф. 26. Оп. 22. Д. 80.
36. РГИА. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 10.
37. Тихонов Б.В. Переселенческая политика царского правительства в 1892–1897 гг. // История СССР. 1977. № 1.
38. Турчанинов Н. Характерные черты русского переселения до проведения Сибирской железной дороги и в последующий за ее сооружением период // Вопросы колонизации. 1912. № 11.
39. Очерк работ по заготовлению переселенческих участков. 1893–1899. СПб., 1900.

И.А. Ерёмин

МОБИЛИЗАЦИЯ 1914 ГОДА В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И СТЕПНОМ КРАЕ

Барнаулский государственный педагогический университет

Накануне Первой мировой войны две западно-сибирские губернии – Тобольская и Томская, а также Акмолинская и Семипалатинская области, относившиеся к Степному генерал-губернаторству, входили в состав Омского военного округа (ОмВо). В довоенное время округ имел небольшую группировку войск. В ее составе было 16 батальонов пехоты, 1 саперный батальон, 3-й Сибирский казачий полк, 6 стрелковых артиллерийских батарей, 1 горная артиллерийская батарея, 1 мортирная батарея, 25 местных команд, 1 артиллерийская команда, 4 конвойных команды и 1 дисциплинарная рота. Генералов и офицеров в ОмВо имелось 685, классных чинов (врачи, чиновники) – 219, военных священников – 14, нижних чинов (рядовых) – 17 037. Всего в составе округа находилось 18 955 чел. [1, с. 19–21, 23, 25]. Имея в мирное время небольшой кон-

тингент войск, ОмВо обладал вместе с тем большими мобилизационными возможностями. К 1 января 1914 г. в пределах округа на учете состояло 166 207 рядовых I и II разрядов, 1696 рядовых флота, 29 285 ратников, ранее проходивших службу в войсках, и 56 639 ратников, не проходивших такую службу [2, с. 174].

Начавшаяся в июле 1914 г. мобилизация коснулась запасных нижних чинов (рядовых), которые состояли из лиц, выслуживших полные сроки действительной службы, ратников ополчения I разряда, «проходивших и не проходивших ряды войск». Они должны были стать, согласно своему предназначению, резервом для приведения армейских частей в штатный состав военного времени. С 14 июля 1914 г. в ОмВо было введено «Положение о подготовительном к войне периоде». Общая мобилиза-

ция войск в регионе была объявлена сразу после выхода царского указа от 18 июля 1914 г. «О призыве нижних чинов запаса армии и флота в губерниях, областях и уездах европейской и азиатской России». 21 июля 1914 г. последовал указ Николая II «О призыве на действительную службу ратников ополчения I разряда в некоторых местностях Империи». 22 июля 1914 г. в ОмВо было объявлено о призыве ратников ополчения I разряда. Первым днем мобилизации было назначено 25 июля 1914 г. Ратникам предоставлялось «на устройство домашних дел» трое суток, после чего они должны были явиться на сборные пункты. На полные обороты заработали губернские (областные) и уездные по воинской повинности присутствия. На территории округа оперативно развернули работу более ста призывных участков [1, с. 501–502].

Масштаб работы по проведению призыва был огромен. Центральные власти пристально следили за ходом мобилизации, делая упор на сбор и обобщение информации с мест. Так, заместитель министра внутренних дел Плеве направил 1 августа 1914 г. телеграмму губернаторам с просьбой сообщить сведения: «сколько возрастов ратников, не проходивших ряды войск, было призвано по мобилизации в каждом уезде». Из докладов губернаторов складывалась достаточно мозаичная картина мобилизации. Если в Акмолинской области во всех уездах было призвано по три возраста ратников ополчения, то в Тобольской губернии существовала большая дифференциация – от четырех возрастов в Тобольском уезде до одного – в Тюменском. Тем не менее именно на Тобольскую губернию пришлось наибольшее количество ратников этой категории – более 26,5 тыс. чел. [3, л. 3–5, 18–21, 135, 147–150].

Одной из главных забот местных властей стало обеспечение общественного порядка в дни освидетельствования тысяч лиц, прибывающих на призывные участки. Сосредоточение больших масс призывников и сопровождавших их родственников приводило к инцидентам, связанным с употреблением спиртных напитков. В ряде населенных пунктов округа, прежде всего в Томской губернии, во время мобилизации произошли беспорядки и столкновения. Наиболее серьезный характер они приняли в Барнауле, где, по данным начальника Томского губернского жандармского управления Стацкевича, вечером 22 июля «тысячные толпы пьяных» стали громить магазины, а в разных местах города начались пожары. Использование войсками огнестрельного оружия против грабителей привело к гибели не менее 100 чел. и аресту 160 чел. [4, л. 138, 139]. Впрочем, в регионе в дни мобилизации было немало примеров общественных инициатив, благодаря которым удалось без эксцессов выполнить

поставленные правительством цели. Так, в Акмолинской области комитет попечительства о народной трезвости организовал чайные и столовые «для нужд призванных по мобилизации запасных и ратников ополчения, а также для их семейств». В день через эти учреждения комитета проходило по 5–7 тыс. резервистов. В условиях прекращения торговли спиртным комитет стремился использовать «свободное времяпрепровождение народа» для проведения народных чтений, лекций и т.д. [5, с. 75].

Отдельные беспорядки и волнения, связанные, прежде всего, с организационной неразберихой, бесконтрольным употреблением спиртного значительной частью запасных, не помешали в целом успешному итогу мобилизации. Председатель IV Государственной думы М.В. Родзянко приводит данные, свидетельствующие о явке по мобилизации «96 % всех призванных». По его мнению, это было связано с подъемом «национального чувства», осознанием того, «что война эта народная». Комментируя приведенные М.В. Родзянко цифры, участник Первой мировой войны, крупный военный эксперт генерал-лейтенант Н.Н. Головин отмечает, что «разница между расчетами и фактической явкой может быть до 10 %». Исходя из этого, он делает вывод, что «уклонившихся от мобилизации почти не было» [6, с. 290].

Осенью 1914 г. мобилизационная кампания в регионе приняла более организованный характер. Постепенно налаживалось взаимодействие командования ОмВо, губернских и областных управлений и местных властей по проведению призыва в войска резервистов. Командованием округа по каждому уезду региона доводились конкретные условия призыва, а местные власти стремились оперативно решать поставленные задачи [7, л. 165].

Свои особенности носила призывная кампания среди проживающего в регионе казачьего населения. Казаки Западной Сибири и Степного края входили в состав Сибирского казачьего войска (СКВ). Вся территория СКВ занимала площадь в 48 058 кв. верст. В 1916 г. общая численность казачьего населения СКВ на территории Акмолинской, Семипалатинской областей и Томской губернии составляла 172 тыс. чел. В военно-административном и хозяйственном отношении СКВ делилось на три военных отдела с управлениями в городах Кокчетаве, Омске и Усть-Каменогорске. Главное управление СКВ принадлежало Степному генерал-губернатору, который одновременно являлся командующим войсками ОмВо и Войсковым наказным атаманом СКВ. Центром сибирского казачества был г. Омск. Всего к началу мировой войны в СКВ было «служилых» офицеров 996, а казаков – 9 563. «Состояло в запасе» в 1914 г. 477 урядников и 3 316 казаков [8]. Мо-

биллизация среди казаков региона проходила организовано и оперативно. В армию наряду с казаками призывались и запасные из неказачьего населения, проживавшие на казачьих землях. Тем не менее абсолютное большинство призванных здесь на военную службу в июльские дни 1914 г. составляли казаки. К 1 января 1915 г. по СКВ было мобилизовано 178 офицеров и 10 788 казаков [9, л. 14, 17].

Наряду с мобилизацией запасных, ратников ополчения и казаков началась подготовка к призыву в армию новобранцев. Уже 31 июля 1914 г. начальник мобилизационного отдела Главного управления Генерального штаба в секретном циркуляре проинформировал своих подчиненных о необходимости «с 1-го октября ускоренным порядком провести очередной призыв новобранцев, руководствуясь назначением их в запасные части к 20-му октября». Уездные присутствия региона по воинской повинности уже в конце июля опубликовали в газетах объявления «О вызове к исполнению воинской повинности». В них речь шла о графике приема новобранцев по всем призывным участкам в течение сентября–октября 1914 г., давались подробные пояснения о тех категориях молодых людей, которые обязаны были явиться на освидетельствование. Довольно обширным был перечень тех категорий призывников, которые не попадали под призыв осенью 1914 г.

С самого начала войны служащим уездных по воинской повинности присутствий приходилось оперативно реагировать на изменения в законодательстве, которые преследовали цель уменьшить круг претендующих на разные отсрочки и увеличить число мобилизуемых в армию. Уже 1 сентября 1914 г. Николай II на основании статьи 87 «Свода основных государственных законов» утвердил Положение Совета министров «О временном изменении некоторых постановлений Устава о воинской повинности». Эти изменения были весьма существенными. Во-первых, отменялась жеребьевка, и к освидетельствованию о годности к армейской службе привлекались все лица, внесенные в общие призывные списки, – «в последовательном порядке номеров сих списков, а не жребия». Во-вторых, те, кто обучался в германских и австро-венгерских учебных заведениях, лишались всех отсрочек по призыву. В-третьих, переселенцам на казенные земли отсрочки теперь могли быть предоставлены только в случае, «если за их семействами были до объявления мобилизации зачислены земельные душевые доли и они до того же срока получили установленные документы для переселения». Отменялось важное для крестьян-переселенцев разрешение о замене «лица, состоящего уже на действительной службе, одним из членов его семейства». Изменялись и сроки при-

зыва тех, кто должен был явиться на призывные пункты «в декабрьский 1914 г. приемный период, а также перешедших призывной возраст и подлежащих явке в июньский период 1915 г.». Этим лицам приказывалось принять в общий призыв новобранцев 1914 г. Отсрочка могла быть дана только в связи с необходимостью сдачи выпускных экзаменов в учебных заведениях [10].

Ограничение льгот и прав на отсрочку позволило значительно увеличить число призванных в армию. Если в 1912 г. в России было призвано в войска чуть более 425 тыс. новобранцев, из которых более 4.3 тыс. чел. приходилось на ОмВо [1, с. 127, 133], то в 1914 г. их было уже 700 тыс. чел. [11, с. 17]. По губерниям Западной Сибири и областям Степного края в призыв 1914 г. более половины всех внесенных в призывные списки новобранцев зачислялись в войска. В общей сложности около 40 тыс. призывников из региона пополнили ряды русской армии и флота [12, л. 2 об.– 6, 340–347].

Проведение призывной кампании по новым правилам легло в крае не только на плечи служащих призывных участков, которые должны были организовать медицинское освидетельствование молодых людей, но и местных властей, которым приходилось решать вопросы, связанные с размещением призывников. Большой наплыв новобранцев вынуждал их нанимать за счет городов помещения для нормальной организации призыва [13, л. 22].

Наиболее ярким проявлением патриотизма во время мобилизации явилось добровольческое движение. В 1914 г. добровольцами, или как было официально указано в документах – «охотниками», было зачислено на военную службу совсем немного относительно общей массы призванных. Отчасти это объяснялось тем, что осенью был объявлен призыв в армию студентов вузов, исключая выпускников. Они призывались как рядовые в запасные полки с последующим распределением по своим основным специальностям, на основе которых проходило военное обучение. После прохождения краткосрочного (от 4 до 8 месяцев) курса в военных училищах бывшие студенты приобретали первый офицерский чин – прапорщик. В 1914 г. среди новобранцев региона добровольцев было всего около 50 чел. [3, л. 3–5, 18–21, 135, 147–150].

Самыми юными добровольцами были подростки. Они десятками в тайне от родителей бежали на фронт. Чаще их с помощью полиции возвращали домой к родителям. Но иногда они достигали своей цели и становились настоящими бойцами. Именно такая история произошла с 15-летними добровольцами из Новониколаевска П. Камневым и А. Семеновым. В начале 1915 г. они тайком от родных ушли на войну с одним из уходивших на театр военных действий эшелоном войск. На фронте ребята слу-

жили разведчиками и были награждены за боевые заслуги Георгиевскими крестами. В ноябре 1915 г. юные патриоты вернулись в родной город в кратковременный отпуск [14].

Обращает на себя внимание факт добровольческого движения в крае среди священников Русской православной церкви. Они стремились попасть на существовавшие тогда в русской армии должности военных священников. Вот как в сентябре 1914 г. объяснил свое желание идти на фронт добровольцем настоятель Чулышманского монастыря из Бийска о. Виктор: «Я по происхождению казак и не могу с самого начала войны найти покоя, все тянет туда, где льется братская кровь» [15]. Стоит отметить, что подчас священники-добровольцы предлагали свои услуги не только в качестве духовных пастырей, но и организаторов добровольческих воинских подразделений для фронта из числа своих земляков. Именно так поступил священник из алтайцев о. Стефан Борисов из с. Буланихинского Бийского уезда в декабре 1914 г. Через епархиальное начальство и командующего войсками ОмВо он добивался своей отправки «в качестве пастыря-добровольца на турецкий театр военных действий». Отец Стефан Борисов обещал создать из добровольцев – «инородцев» Горного Алтая специальный разведывательный отряд. Исправную службу своих земляков он гарантировал тем, что они «... отличные наездники и стрелки <...>, способные разведчики» [16].

Не осталось в стороне от добровольческого движения и женское население региона. Женщины-добровольцы, как правило, просились на службу в медицинские учреждения и структуры тылового обеспечения действующей армии. Иногда они откликались на патриотические инициативы своих подруг из охваченных войной западных губерний страны и выражали конкретные пожелания

о направлении их в соответствующее подразделение. Именно так поступила барнаульская мещанка А.Ф. Шитова. Откликнувшись на инициативу гомельских женщин, она подала заявление «о принятии ее в члены женского добровольческого легиона для несения тыловой службы» [17].

Но были среди женщин и такие, которые стремились сражаться на фронте наравне с мужчинами. Самым ярким примером этого патриотического служения Родине в масштабах не только региона, но и всей страны может служить боевой путь жительницы Томска Марии Леонтьевны Бочкаревой. Осенью 1914 г. она добровольцем поступила на военную службу и, сражаясь в составе 28-го Полоцкого стрелкового полка, была четырежды ранена. За героизм и мужество, проявленные в боях, М.Л. Бочкарева была награждена Георгиевскими крестами всех четырех степеней [18, с. 78–81].

Проведенная мобилизация позволила резко увеличить вклад ОмВо в боевые возможности сражающейся русской армии. В течение августа 1914 г. на фронт из округа ушли четыре Сибирских стрелковых полка и штаб стрелковой дивизии, 11-я Сибирская стрелковая парковая артиллерийская бригада, 1-я и 2-я отдельные Сибирские мортирные батареи, 4-й Сибирский саперный батальон, 4-й и 5-й Сибирские казачьи полки, 4 запасных госпиталя и т.д. В сентябре 1914 г. выступили на передовую штаб 14-й Сибирской стрелковой дивизии, еще четыре Сибирских стрелковых полка, 14-я Сибирская стрелковая артиллерийская бригада и другие части [19, л. 58–58 об., 62–62 об.].

Проведенные в регионе мобилизационные мероприятия позволили направить в ряды армии и флота в 1914 г. более 300 тыс. чел. Таким был вклад Западной Сибири и Степного края в общий итог мобилизации по стране, который выразился в 5 115 тыс. чел. [11, с. 17].

Источники и литература

1. Военно-статистический ежегодник армии за 1912 г. СПб., 1914.
2. Копылов В.А., Милухин В.П., Фабрика Ю.А. Сибирский военный округ. Первые страницы истории (1865–1917). Новосибирск, 1995.
3. Российский государственный исторический архив. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 271.
4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 110. Оп. 1. Д. 735.
5. Обзор Акмолинской области за 1915 год. Омск, 1917.
6. Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. М., 2001.
7. Центр хранения архивного фонда Алтайского края. Ф. 4. Оп. 1. Д. 478.
8. Отчет о состоянии Сибирского казачьего войска за 1914 год. II. (Часть гражданская). Омск, 1915. Прил. I.
9. Государственный архив Омской области. Ф. 54. Оп. 1. Д. 148.
10. Правительственный вестник. 1914. 4 октября.
11. Россия в мировой войне 1914–1918 годов (в цифрах). М., 1925.
12. Российский государственный исторический архив. Ф. 1292. Оп. 5. Д. 283.
13. Центр хранения архивного фонда Алтайского края. Ф. 219. Оп. 1. Д. 74.

14. Жизнь Алтая. 1915. 25 ноября.
15. Жизнь Алтая. 1914. 25 сентября.
16. Жизнь Алтая. 1914. 14 декабря.
17. Жизнь Алтая. 1915. 6 мая.
18. Мой батальон не осрамит Россию // Родина. 1993. № 8–9.
19. Государственный архив Омской области. Ф. 54. Оп. 2. Д. 17.

Ф.Н. Подустов

ЧИСЛЕННОСТЬ, МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И УСЛОВИЯ ТРУДА ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ СИБИРСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА В 1919–1921 ГОДАХ

Томский государственный педагогический университет

Военная обстановка 1919–1921 гг. потребовала создания широкой сети военно-учебных заведений по подготовке командных кадров для пополнения частей 5-й армии Восточного фронта. Решение этой сложнейшей задачи выявило острый недостаток в опытных, знающих и умеющих организовать учебно-воспитательный процесс преподавателях и командирах. В тех условиях очень важно было привлечь к этой работе бывших офицеров, имеющих знания и педагогический опыт, окончивших военно-учебные заведения дореволюционной России.

В исторической литературе недостаточно сведений о командном и преподавательском составе военно-учебных заведений РККА, изменениях, которые происходили в их рядах. Клишированные сведения советской историографии о стойкости и непобедимости бойцов и командиров, вышедших из народа, не дают ответа на вопрос о том, кто их учил военному мастерству, стоял у истоков советской военной школы.

Обращает на себя внимание плохая изученность этого вопроса и на региональном уровне – с количественной и качественной сторон. Между тем в фондах Российского государственного военного архива, в том числе местных архивов Сибири, содержатся материалы, позволяющие частично восполнить этот пробел.

Анализ архивных материалов показывает, что в становлении военного образования в Сибири большую роль сыграли бывшие офицеры русской армии. Практически они стояли у истоков военной школы СибВО, возглавляли все военные курсы и школы.

В 1919 г. начальником Сибирского управления военно-учебных заведений Корицким было утверждено Положение о преподавателях советских командных курсов. В нем говорилось, что преподавание «научных предметов, как военных, так и общеобразовательных, производится постоянными и

приватными преподавателями». Преподаватели допускались к учебной работе после утверждения в должности Сибвузом. Постоянные преподаватели включались в штат военно-учебного заведения по предметам, учебная нагрузка по которым была не менее 12 часов в неделю. Все преподаватели считались на военной службе, но выполняли обязанности в пределах своей узкой военно-учебной специальности, «никаких нарядов не несли и ни на какие дежурства не назначались». На преподавателей возлагалось чтение лекций, руководство практическими занятиями, прием экзаменов, проверка письменных работ, присутствие на заседаниях педагогических комитетов курсов; разработка программ, конспектов и схем по предметам преподавания. По отношению к курсантам и слушателям преподаватель никакими дисциплинарными правами не пользовался.

Преподаватель «приличного поведения» один раз в три года командировался на маневры, полевые поездки, театры военных действий на срок не более двух месяцев с представлением отчета о своей поездке. За опоздание на лекцию более чем на 15 минут без уважительных причин на преподавателя налагался штраф в размере оплаты лекции. Через каждые пять лет, но не более четырех раз, преподаватель получал надбавку к основному содержанию в размере 600 руб. в год. Учебная нагрузка преподавателя определялась не более 18 часов в неделю [1, л. 30].

Приказом по военно-учебным заведениям РККА № 309 от 9 декабря 1920 г., согласно Положению о преподавателях политграммоты, они делились на штатных и приватных. Штатный (обязательно член РКП (б)) числился состоящим на военной службе, а приватный являлся вольнонаемным [2, л. 587 об.].

При изучении проблемы кадрового обеспечения военно-учебных заведений Сибири выделяются две ее составляющие – преподавательский состав и ко-